

НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

КЛЮЧИ ОТ ВЕЧНОСТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Редактор серии *Анастасия Осминина*
Оформление серии *Янины Клыга*

Калинина, Наталья Дмитриевна.
К17 Ключи от вечности / Наталья Калинина. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-213059-5

В течение короткого времени друг за другом умирают друзья Ольги из спелеоклуба. Может ли быть, что нависшее над их группой проклятие начало сбываться? Три месяца назад таинственный заказчик поручил достать из пещеры коробку со старинным ключом и выдвинул странное условие, которое группа нарушила. С тех пор каждого двадцать первого числа умирает кто-то из команды. Оставшиеся в живых решают вернуться в то место, с которого все началось, но обнаруживают, что жители деревни, в которой они останавливались три месяца назад, куда-то исчезли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213059-5 © Калинина Н., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава первая

Звонок раздался в тот момент, когда она снимала с плиты турку. Телефон отвлек, и кофе все-таки выплеснулся на плиту темно-коричневой лужицей. Ольга с досадой опустила турку на свободную конфорку, бросилась к мобильному и в последний момент замерла рядом со столом. К частым звонкам она привыкла, но сегодня было двадцать первое число. Проклятое двадцать первое! К тому же с таким настойчивым звоном в безмятежную будничность врываются только дурные вести.

Ольга глубоко вздохнула и, понимая, что от новостей не скрыться, решительно взяла телефон. «Только бы не...» — подумала она, увидев на дисплее имя Дымова.

— Кто?

Голос прозвучал хрипло, как после сна. Секундная тишина, повисшая в трубке, растянулась до вечности. Ольга ждала, отрешенно глядя на свое отражение в зеркале. После бессонной ночи на бледном лице без косметики залегли тени, отчего оно казалось старой черно-белой фотографией. Недавно остриженные светлые волосы топорщились с одной

стороны задорным вихром, с другой, наоборот, некрасиво примялись.

— Петриченко, — ответил Матвей. Ольга на мгновение прикрыла глаза. Игорь Петриченко, веселый балагур, душа компании и неисправимый оптимист, нравился всем. На глаза навернулись слезы.

— Как?

— Во сне. Остановилось сердце.

Ольга задержала дыхание, словно тоже на несколько секунд умерла. «Во сне. Вот так». Можно пытаться обмануть смерть: не выходить на улицу, не включать бытовые приборы, провести весь день на диване, но если выбор пал на тебя, то так тому и быть. С некоторых пор они жили перебежками от двадцать первого до двадцать первого, зная, что в следующем месяце за финальной чертой опять окажется кто-нибудь из них. Трех нет, осталось трое. Своеобразный экватор, точка разлома, зеркальное отражение. Три на три. Счет сравнялся — до следующего двадцать первого числа.

— Похороны завтра. Пойдешь? — нарушил затянувшуюся паузу Дымов. Ольга отрицательно мотнула головой, будто он мог ее увидеть. Но после секундного замешательства ответила:

— Да.

Да. И не только для того, чтобы проводить в последний путь Игоря Петриченко. Но и чтобы поговорить с Дымовым с глазу на глаз.

— Заехать за тобой? — спросил Матвей, как обычно. Она собиралась напомнить ему, что недавно получила права и что собственную машину

тоже приобрела, пусть и не вездеход-«танк», а маленькую «женскую», но вместо этого опять ответила согласием.

— В одиннадцать буду.

Ольга с трудом удержалась от желания перезвонить, чтобы спросить то, что не успела. Но телефон Матвея наверняка снова занят. В эти дни его мобильный раскалится от исходящих и входящих звонков, тогда как ее телефон, наоборот, захлебнется траурной тишиной. Она уже хотела положить его на тумбочку, как он вновь завибрировал в ладони. В другой бы день Ольга удивилась звонку Кости, но не сегодня.

— Знаешь уже? — перешел он сразу к новости. От его живого голоса нахлынуло недолгое и обманчивое спокойствие.

— Да. Матвей позвонил.

В трубке раздался тяжелый вздох. Костя не был близок с Игорем, кажется, до последнего дела они и виделись всего раз, но смерть связала их всех в крепкий узел.

— Пойдешь на похороны? — опередила Ольга. Костя помолчал, затем неуверенно ответил:

— Не знаю.

— Вы толком и знакомы-то не были ...

— И это тоже.

Ольга сделала паузу, ожидая, что он спросит в ответ, пойдет ли она. Пусть просто из вежливости. Но Костя уже прощался:

— Ну ладно. Пока. Хотел только сообщить. Но раз ты знаешь...

— Костя! — поспешно воскликнула она, внезапно решив сказать ему то, что не сказала Дымову.

— М-м?

— Это... уже третья смерть подряд. И все двадцать первого...

Она замолчала, и Костя настороженно спросил:

— И? Что ты хочешь сказать?

— Что дыра забирает наших.

— Еще скажи, что Белый спелеолог нас наказал, — неожиданно резко отозвался он.

— Мы ничего не должны были выносить... — Она еще раз попыталась донести до него то, что обдумывала все эти дни.

— Ольга, не нагнетай!

Она четко представила себе, как Костя поморщился, а может, с досадой потер лоб, как делал обычно, когда ему не нравился вопрос.

В трубке фоном раздался женский голос. Женщина что-то спросила у Кости, он ей тихо ответил, а затем четко произнес:

— Ольга, меня зовут. Пока!

— Пока.

«Не нагнетай!» — повторила она мысленно, слушая короткие и звонкие, как капающая вода, гудки. Костя ей поверил. Поверил и испугался, хоть и не был помешан на суевериях. К примеру, мало верил в Белого спелеолога, но с какими-то общими правилами считался. Как и самый, казалось бы, прагматичный в их клубе Дымов.

Ольга прошла на кухню, выглянула во двор, проследила взглядом за пересекающей газон полоса-

той кошкой. Вид из окна сегодня был особенно красочным, а вот настроение, наоборот, обесцветилося до черно-белых тонов, потому что Ольга еще сильнее осознала: ей осталось недолго. Возможно, в следующем месяце, двадцать первого числа, Матвей будет обзванивать оставшихся с новостью уже о ее похоронах. Впрочем, кого — оставшихся? Костю. Придет ли Костя на ее похороны или тоже, как сегодня, ответит расплывчатым и ничего не обещающим «не знаю»? Это «не знаю» — куда хуже отговорок, потому что за ним явно читается равнодушное «не хочу».

Сквозь кружево молодых листьев березы проглядывало солнце, сыпало, будто золотую пыльцу, блики на подоконник. Легкий ветер тихонько шуршал листьями в кронах, заслонявших фасад соседней пятиэтажки. За сетчатым забором дворового стадиона мальчишка лет двенадцати в одиночку гонял мяч. Ольга решительно распахнула окно, и вместе с апрельским воздухом в квартиру ворвались живые шумы: воробьиное чириканье, звук ударов по мячу, отдаленный шорох автомобильных шин, неразборчивый разговор двух женщин и голос ребенка, что-то выпрашивающего у матери. Когда понимаешь, что от твоей жизни остался крошечный отрезок, каждый день насыщается красками, звуками и запахами, становится таким ярким, будто смотришь на него сквозь специальные фильтры. Почему так не проживается каждый день до этого осознания?

Ольга мельком глянула на настенные часы, убедилась, что утро уже не раннее, и суетливо засо-

биралась. Она не планировала краситься, хотела только переодеться, но невестка обязательно обеспокоится ее уставшим видом. Поэтому Ольга быстро приняла душ, замаскировала темные круги под глазами, переделалась в чистые джинсы и футболку с мультяшной аппликацией, а сверху накинула джинсовку.

Легкий ветер взъерошил влажные волосы, растрепал и высушил их на свой манер. Ольга улыбнулась и немного задержалась возле машины, приветливо блеснувшей на солнце синим боком. Какой же вкусный сегодня воздух! В нем будто прорезались морские ноты. Может, махнуть к морю? На все оставшиеся сбережения? Взять Таню, Юлечку — и к морю! Возможно, так она и сделает. До следующего двадцать первого у нее есть время.

Она припарковала машину неподалеку от панельной высотки, вытащила телефон и убедилась, что Таня уже заходила в WhatsApp. Невестка работала медсестрой в больнице, нередко оставалась на дежурства, а потом спала несколько часов утром. Не хотелось бы ее разбудить. Ольга пешком поднялась на третий этаж и еще на втором по запаху блинчиков поняла, что Таня не спит.

— Я как чувствовала, что ты сегодня приедешь! — обрадовалась невестка. Но тут же встревожилась: — Что-то случилось? Ты обычно звонишь перед приездом.

— Нет, все нормально! — соврала Ольга и лучезарно улыбнулась. Случилось. Сегодня ночью умер ее знакомый. А ей самой, похоже, тоже осталось

недолго. Вот что случилось. Чем не повод прийти к близкому человеку без звонка?

Она разулась, повесила куртку на крючок напольной вешалки и прошла за Таней сразу на кухню — к ароматам свежее испеченных блинчиков, домашнему уюту и легким разговорам. Только вот на этот раз разговор таким не получился.

— Мне снился Алеша, — вдруг сказала Таня в тот момент, когда гостя собралась взять четвертый ажурный блинчик. Ольга так и замерла с протянутой рукой, а потом отдернула ее, как маленькая.

— Он мне ведь никогда раньше не снился, — продолжала Таня, глядя не на нее, а куда-то в сторону. — Ни разу с тех пор... А за последние месяцы приснился трижды. Это ведь... как вновь увидеться с ним!

Невестка грустно усмехнулась. Несмотря на то, что губы улыбались, ее голубые глаза наполнились слезами. Ольга застыла от скользнувшего по плечам внезапного сквозняка, будто некто подошел к ней сзади, положил на плечи ледяные ладони и подул холодом в затылок. На какие-то слишком долгие секунды она провалилась в другую реальность — страшную, темную, грохочущую осыпающимися камнями и бурлящую стремительно заполняющей все вокруг водой. Были ли это ее собственные ощущения, пережитые в похожих снах, которые она видела на протяжении трех месяцев в ночь на двадцать первое, или это ей каким-то образом передалось последнее воспоминание ее брата?

— И как он тебе приснился? — глухо спросила Ольга. Есть перехотелось, хотя стопка ароматных кружевных блинчиков так и притягивала взгляд.

— Да вот так. Смотрит, будто что-то хочет сказать. Но молчит. А одет как в тот день, когда сделал мне предложение, — в голубую рубашку и темные джинсы. Смотрит, а за спиной сгущаются тучи. Небо темнеет, становится почти черным. Я кричу ему, чтобы бежал в укрытие, потому что сейчас ливанет. Но просыпаюсь. Если бы я не проснулась, то обязательно бы узнала, что он хотел сказать! Я даже молила его, чтобы он снова мне приснился. Но...

Таня резким движением смахнула слезу. А потом улыбнулась — смущенно, виновато, словно устыдившись своей слабости. Прошло почти три года, но она так до конца и не оправилась после потери. Хотя жизнь ее вертелась бешеным колесом, в котором она крутилась неутомонной белкой. Брала подработки — кому-то поставить уколы или капельницы, оставалась на дежурства. И все ради того, чтобы вытянуть себя и семилетнюю дочь.

Ольга кивнула, не зная, что сказать. Отношения Алеши и Тани были для нее примером крепкой и счастливой любви. Познакомились они в больнице, куда брат попал с воспалением легких. Алексей сразу заприметил симпатичную медсестру с яркими голубыми глазами. Влюбился в нее, как говорил, с первого взгляда, хотя Таня его ухаживания приняла не сразу: не в ее правила было кокетничать с пациентами. Но Алеша, несмотря на свой стеснительный характер, оказался настойчив. Таня согласилась пойти с ним

в кино уже после его выписки. На третьем свидании Алеша сделал предложение, и Таня его приняла.

— Я зачем приехала... — нарочито бодро заговорила Ольга и суетливо закопошилась в своем рюкзаке. — Вот!

Она выложила на стол конверт.

— Зачем? — отшатнулась невестка. — Ты уже привезла нам денег! В прошлом месяце и в позапрошлом. И перед этим дала крупную сумму. Да и я же работаю!

— Я знаю, что ты работаешь, — перебила Ольга. — купишь Юлечке наряды и книжки. Вы же мне не чужие люди, а самые родные!

— Спасибо, — вздохнула Таня и неуверенно, все еще сомневаясь, взяла конверт. А потом вскинула на Ольгу глаза с такой решимостью, словно собиралась сказать что-то важное и одновременно непростое. Но ее оборвал звонок в дверь.

Когда Таня вышла с кухни, Ольга машинально стащила с тарелки остывший блинчик, свернула его трубочкой и откусила. Из коридора до ее слуха донеслись голоса: звонкий Танин, и низкий, с хрипотцой, мужской. Знакомый голос, который ни с каким другим не спутать. Ольга положила на край тарелки недоеденный блин, поднялась из-за стола и улыбнулась вошедшему следом за Таней гостю. Дымов ничуть не удивился, увидев ее, кивком поздоровался и без улыбки подмигнул.

— Я блинчиков напекла, будешь? — предложила Таня и, не дождавшись ответа, засуетилась, выставляя на стол еще одну тарелку и чашку.

— Я на минутку, — замялся Матвей, вопросительно покосился на Ольгу, будто спрашивая у нее позволения, а потом громко вздохнул. — У меня сегодня куча дел.

Скажет или нет? Таня, кажется, не была знакома с Игорем Петриченко, но новая трагедия может напомнить ей о ее собственной. Ольга поймала взгляд Дымова и непроизвольно качнула головой. Матвей слегка кивнул и отвел взгляд, сделав вид, что его занимает тарелка с угощением.

— Подогреть?

— Нет, не надо. — Гость взял себе пару блинчиков, свернул их, в отличие от Ольги, не трубочками, а треугольниками, обмакнул один край в подставленную ему хозяйкой пиалу со сметаной и с аппетитом откусил. — Вкусно как! М-м-м!

— Ешь! Я много напекла. С собой тебе заверну.

— Дочери оставь, — возразил Матвей, быстро доел второй блин и вытер рот салфеткой. А затем вытащил из кармана помятый конверт и выложил его на стол.

— Вот.

Ольга невольно улыбнулась тому, что они с Матвеем даже выразились одинаково.

— Да вы что? Сговорились? — воскликнула Таня, не решаясь прикоснуться к конверту. — Не возьму! Ольга уже привезла деньги.

— Бери, — громыхнул Матвей своим сочным хриплым басом, и Таня не посмела больше возражать.

— Халтура подвернулась, — уже мягче пояснил он. — Леха был моим лучшим другом. Братом. И Юля мне как племянка. Купи ей все, что нужно.

Или свози куда. И себе тоже купи. Платье или помаду там.

Он неловко отвел глаза и будто даже смутился. Забавно было видеть высокого плечистого Дымова смущающимся. Ольга подозревала, что Матвей тайно влюблен в Таню. Не ухаживал — из уважения к памяти лучшего друга. Но поддерживал, как мог.

— Мне пора, Тань, — сказал он, поднимаясь.

— Давай я тебе блинов с собой заверну.

— Не надо. Спасибо! Тань, я не домой. У меня весь день пройдет в разъездах. Испортятся.

— Тем более, если ты в разъездах! Испортиться не успеют, раньше съешь.

Сухие губы Дымова тронула легкая улыбка, он, сдаваясь, кивнул. И Таня быстро собрала ему угощение. Ольга тоже поднялась с места, прижалась плечом к дверному косяку и, дожидаясь Матвея, невольно подумала, что многие бы проблемы разрешились, если бы невестка сошлась с ним. Тане нужен рядом мужчина. Такой, как Дымов — надежный и любящий. «А тебе?» — тут же возразил внушенный голос. Она дернула головой, будто прогоня назойливую муху.

— А ты куда? — огорчилась невестка.

— У меня тоже... дела, — уклончиво ответила Ольга и покосилась на Матвея: не станет ли он возражать. Им нужно поговорить. И лучше сейчас, потому что на похоронах — не место и не время.

Держа в руках промасленные свертки из бумаги для выпечки, они в полном молчании спустились по лестнице и заговорили, только оказав-

шись на улице. За то короткое время, что Ольга пробыла в гостях, погода изменилась. Солнце скрылось за плотной пеленой набежавшей тучи, поднявшийся ветер трепал кленовые макушки и гонял по двору, будто футбольный мяч, пустой пластиковый стаканчик. Ольга машинально наступила на него, смяла и бросила в урну.

— Есть пятнадцать минут? — спросила она у Дымова. Тот молча кивнул. Не сговариваясь, они вместе пошли к заполненной машинами парковке. На полпути Ольга заметила в сквере свободную лавочку, втиснутую между двумя стволами. Липы склонились друг к другу кронами, будто в интимном перешептывании, крепко переплелись ветвями и образовали над скамьей плотный зеленый купол, который защитил бы от первых капель.

— Присядем?

Дымов загасил сигарету, бросил окурочек в ближайшую урну и, сунув руки в карманы, первым направился к «беседке». Но не сел, остановился напротив Ольги, занявшей место на скамейке, и поднял плечи. Разговаривать так, глядя на рослого Матвея снизу вверх, было неудобно. Вопреки воспитанию, Ольга залезла на лавочку с ногами и села на спинку.

— О чем ты хотела поговорить? — первым спросил Дымов и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. То ли и правда торопился, то ли догадывался, о чем пойдет разговор, и это доставляло ему неудобство.

— О том, что происходит. О том, что следующего двадцать первого не станет либо тебя, либо

меня, либо Кости, — сразу перешла к делу Ольга. — И не говори, как Костя, что я нагнетаю.

— Он так и сказал? — поднял брови Матвей.

— Так и сказал. И не захотел развивать тему.

Дымов тяжело вздохнул и все-таки присел на лавочку. Теперь Ольга возвышалась над ним. Разговаривать, глядя в коротко стриженный затылок Матвея, тоже было неудобно, поэтому она спустилась, и они оказались друг от друга так близко, что слегка соприкасались локтями.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказал в своей обычной манере Дымов после недолгой паузы.

— Нет, думать должны мы все. Потому что это касается не только тебя.

Матвей повернулся и, наморщив лоб, молча посмотрел ей в глаза. Ольга невольно подумала, что фамилия очень ему идет. У него были дымчатого цвета глаза и темные, с легкой проседью волосы. Матвей был ровесником ее брата, ему недавно исполнилось тридцать четыре, но выглядел он старше своего возраста из-за этой проседи и въевшегося в кожу загара.

— Не надо, малая, — нарушил Матвей паузу и качнул головой. Ольга и не ожидала от него иного ответа. «Малой» Дымов звал ее еще с тех времен, когда она пришла в клуб. Ей тогда едва исполнилось двадцать, и она действительно оказалась самой младшей. А когда не стало Алеши, Матвей взял шефство не только над Таней и Юлечкой, но и над ней.

— Не надо, малая, — повторил Дымов, безошибочно прочитав в ее ответном взгляде несогласие. — Не лезь в это.